

УДК 94

Место Тибета во внешней политике России: исторический аспект

Курасов Сергей Владимирович

Доктор искусствоведения,
профессор,
ректор,

Московская государственная художественно-промышленная
академия им. С.Г. Строганова,

125080, Российская Федерация, Москва, Волоколамское шоссе, 9;

e-mail: info@mgphu.ru

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (info@publishing-vak.ru) <http://publishing-vak.ru/>

Аннотация

Статья посвящена исследованию места, которое Тибет занимал во внешней политике России с XVIII в., когда Тибет возник на карте интересов Российской империи, и до настоящего времени. Автор исследует малоизвестные источники, периодизирует русско-тибетские отношения и приходит к выводам о том, что Тибет и Россия, никогда не граничившие, все имеют важную историю взаимоотношений, отражающуюся и на современной политике. История внешней политики России в отношении Тибета свидетельствует о том, что Россия проявляла интерес к этой стране и использовала тибетский вопрос как инструмент влияния в периоды Большой игры с Великобританией (рубеж XIX–XX вв. и 1920-е гг.), с США на раннем этапе «холодной войны» (1940–1950-е), а также во время конфронтации с Китаем в 1960–1980-е гг. После 1980-х годов Россия утратила интерес к проблемам Тибета, хотя вопрос о независимости тибетского народа и утрате уникальной тибетской культуры остается крайне актуальным.

Для цитирования в научных исследованиях

Курасов С.В. Место Тибета во внешней политике России: исторический аспект // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2020. № 1-2. С. 10-20.

Ключевые слова

История России, история Тибета, внешняя политика, русско-тибетские отношения, Большая игра, тибетский вопрос.

Введение

Место Тибета в русской внешней политике – немаловажная тема, имеющая прямое отношение к религиозной и даже этнической самоидентификации ряд народов России. Так, традиционные российские буддисты: буряты, тувинцы, калмыки – всегда чтили носителей титула Далай-ламы. Как отмечают исследователи, «буддийские регионы России могут оказаться одной из тех периферий глобальной культуры, где может быть внедрена тенденция “альтернативной глобализации”» [Островская, 2008, 273].

Ближние к Тибету регионы России многие века испытывали влияние тибетской культуры и вступали в ней в диалог. Исследователи отмечают «взаимопроникновение и взаимовлияние тибетской и монгольской мифологии и фольклора» [Комиссаров, 1997, 24], однако можно говорить и о более широких культурных связях. Исповедуя тот же вариант буддизма, что и в Тибете, буддисты из Калмыкии и Бурятии издавна получали в Тибете высшее конфессиональное образование, привозили книги и сочинения лам, драгоценные реликвии; эти связи с Тибетом в эмиграции возобновились после разрушения СССР.

Поэтому исследование истории внешнеполитических взаимоотношений России и Тибета носит актуальный характер.

Россия и Тибет: история отношений

Со времени расширения на площадь Сибири и Дальнего Востока Россия принимала геополитические решения в отношении Востока, в монгольско-тибетско-китайском регионе [Сладковский, 1974]. Так, с принятием в 1727 г. Буринского соглашения, а в 1728 г. Кяхтинского договора была определена русско-китайская граница от Аргуни до истоков Енисея, что сильно ограничило крупные миграции бурят и монголов [Базаров, Гомобажапов, 2016, 103].

Первые сведения о Тибете проникли на русскую территорию в XVII в. во время первых попыток установить отношения с Монголией и Китаем. Тогда Тибет назывался «Лабинской» (Ламской) или Тангуцкой землей, или монгольским названием Боронтала (от монг. *баруун-тал* – западная земля). В это время сведения были крайне скудными, однако уже тогда в Посольском приказе был толмач «тангуцкого» (тибетского) языка – П.И. Кульвинский (1635? – ок. 1707) [Андреев, 2006, 43]. В «Полном географическом лексиконе» Лангера (1791-1792) было указано лишь, что «Китай граничит на западе с Тибетской Тартарией» [Лангер, 1791-1792, 102]. Долгие годы связь с Тибетом была опосредованной, через внимание русского правительства к буддийским народам Российской империи.

Первым из российских монархов, который проявил внимание к Тибету, была Екатерина II. В 1767 или 1768 г. она попросила бандидо-хомбо-ламу (главного ламу с южной стороны Байкала) Доржи Заяева, прибывшего в Москву, рассказать о своем хождении в Тибет.

После устного рассказа он записал историю и был осыпан милостями царицы, что привело даже к тому, что бурятские ламы объявили русскую царицу воплощением Белой Тары [Андреев, 2006, 47]. По свидетельствам путешественников, тибетские правители знали о России от представителей буддийских народов (калмыки, буряты, тувинцы), которые приходили в Тибет на паломничество и для получения религиозного образования.

В конце XVIII в., когда правители Тибета и Китая из антизападных соображений закрыли двери Снежной страны для европейцев, посольства и торговля с Россией стали невозможны. Лхаса стала закрытым городом, в том числе для традиционных паломников бурят и калмыков.

При этом Тибет в XIX веке стал местом столкновения геополитических интересов России, Англии и Китая [Бернюкевич, 2017, 57]. «Военная экспансия царской России в Закавказье и Средней Азии существенно обострила зародившееся еще в начале XIX века англо-русское соперничество на азиатском театре, так называемую Большую игру (Great Game)» [Андреев, 2006, 55].

Россия, географически находясь на перепутье между Востоком и Западом, служила и важным информационным посредником, с чьей помощью сведения о культуре Тибета проникали в Европу [Ермакова, 1998]. «Исследовательские данные собирались в основном усилиями британских и российских востоковедов. Полевые экспедиции в Центральную Азию планировались Русским Географическим Обществом и финансировались царской администрацией» [Островская, 2008, 285]. Освоение тибетской разновидности буддизма также проходило в трудах русских авторов, в которых собственно исследование культурного наследия дополнялось его интерпретацией, начиная с 1870-х годов [см. Рерих, 1999; Пржевальский, 2007; Рабинович, 2010 и др.]. Ю.Н. Рерих впоследствии возродил утраченную в 1930–1940-е годы школу отечественной тибетологии [Шустова, 2020, 172-174].

Закрытый Китаем въезд в Тибет и стремление паломников к тибетским святыням стали поводом, который мог послужить оправданием внимания России к этой стране и к нуждам подданных-буддистов. «Правительство империи в этих условиях не могло не покровительствовать буддистам, показывая возможности своей власти в Сибири, Забайкалье и на Дальнем Востоке и стараясь влиять на сопредельные российскому государству территории (Монголию и Китай). Эти государственные интересы Российской империи в рамках общемировой геополитической картины в свою очередь послужили социально-политическим фактором финансирования и развития российского востоковедения» [Бернюкевич, 2020, 40]. Экспансия России на Дальний Восток, связанная со строительством Транссибирской магистрали, активизировала и интерес с Тибету, который прежде всего не должен был подпадать под влияние Британии.

Тибетская политика России в Тибете стала в большой мере политикой сдерживания Англии: Россия была заинтересована в «тибетском буфере» между российскими и британскими владениями. Именно этим направлением были обусловлены важнейшие позиции России

в отношении Тибета, в частности, признание сюзеренных прав маньчжурских правителей Китая (Цинов) в Тибете и сохранение статус-кво этой территории.

Русско-тибетское сближение произошло в 1898-1906 гг. Яркой фигурой и пассионарием русско-тибетской политики был Агван Доржиев: чрезвычайный посланник и доверенное лицо Далай-ламы, русофил и англофоб, который возглавлял тибетские миссии в Россию в 1898, 1900 и 1901 гг. [Агван Доржиев, 2007]. В 1898 году первое тайное посольство Доржиева привело к интересу Николая II, который принимал его в числе депутации от бурят, и обещаниям военной помощи Тибету: «А.Н. Куропаткин (ученик Скобелева, принимавший участие в среднеазиатских походах) изъявил готовность оказать военную помощь Тибету, путем посылки в Лхасу русских инструкторов и оружия, и даже разрешил Доржиеву вступить “негласно” в переговоры по этому вопросу с калмыками – офицерами Войска Донского» [Андреев, 2006, 81]. Во вторую поездку в Россию Доржиев передал императору подарки от Далай-ламы, участвовал в переговорах с министрами, что привело к решению об установлении русского консульства в Тибете. В письме у русскому царю Далай-лама писал: «не соизволит ли Его Величество неотложно в своей мысли утвердить то, чтобы исполнились предначертания при содействии трех истинных драгоценностей и истинного (Будды), помогающего нашим единоверцам и всем (вообще)?» [Белов, 2005, 35]. Третье посольство также завершилось благополучно.

Доржиев проводил в Тибете антибританскую политику, убеждая Далай-ламу поддерживать добрые отношения с Россией [Белов, 2005, 16]. Деятельность Агвана Доржиева стала первым примером того, как властитель Тибета обратился к западному монарху, русскому царю, в поисках защиты и покровительства. «В результате Россия – первая из стран Запада – установила дипломатические отношения с Тибетом, учредив в 1901 г., по личному распоряжению Николая II, российское консульство в гор. Дарчендо (Дацзянлу) “для постоянных сношений Императорского правительства с высшими буддийскими властями Тибета”» [Андреев, 2006, 6].

Доржиев и его идеи понравились царю. Как пишет русский дипломат И.Я. Коростовец, «Говорил он (Доржиев) с большим авторитетом и знанием дела и необычайно понравился царю, несмотря на свои фантастические планы, которым не суждено было осуществиться и которые предполагали русский поход через Гималаи для освобождения угнетенного народа» [цит. по: Андреев, 2006, 94]. Николай II, однако, проводил в высшей степени аккуратную политику, и его ответное письмо не обещало Тибету такой защиты, на которую страна рассчитывала: так, он заверял, что «при дружественном и вполне благоклонном расположении России никакая опасность не будет угрожать Тибету в дальнейшей судьбе его» [цит. по: Андреев, 2006, 93], что, конечно, не было прямым обещанием поддержки и на что не стоило рассчитывать Тибету. Вместе с тем из политических опасений осложнить обстановку с Британией Россия не стала заключать с Тибетом никаких договоров.

После военной экспансии Британии в Тибет в 1903-1904 гг. статус-кво был нарушен и произошел передел сфер влияния. Пребывание Далай-ламы в эмиграции в Монголии привело его к разочарованию в действиях русских политиков: МИД России держалось умеренной линии, которая сводилась к желанию примирить Далай-ламу с Цинами и вернуть его в Тибет. Так, министр иностранных дел В.Н. Ламздорф писал к царю в записке 1 февраля 1905 года: «наиболее соответствующим во всех отношениях выходом было бы возвращение Далай-Ламы в Тибет, к чему он сам стремится, чего желает и местное духовенство; и, конечно, в таких условиях, кои наиболее наглядно убедили бы его в том, что такому разрешению дел он главным образом обязан заботливому участию России» [Белов, 2005, 67]. В то же время военные круги стремились к серьезным действиям: они поддерживали идею переезда Далай-ламы в Россию, договаривались дать ему конвой из бурят-казаков и были готовы поддержать планы Далай-ламы создать независимое «союзное» монголо-тибетское государство под эгидой России [Андреев, 2006, 141]. Далай-ламе все же был предоставлен конвой, и он продолжал надеяться на заступничество и помощь России после окончания русско-японской войны; однако русское правительство настаивало на его возвращении в Лхасу и примирение с властями региона.

В России начала XX в. была целая плеяда «амбассадоров» буддизма, влияющих в том числе и на политические решения. Так, например, сторонники Далай-ламы и русской поддержки Тибета Э.Э. Ухтомский, П.П. Семенов, А.М. Позднеев, С.Ф. Ольденбург, П.К. Козлов присутствовали на совещании по «вопросу о судьбе Далай-ламы» у министра иностранных дел А.П. Извольского 6 июня 1906 г. [Бернюкевич, 2017, 59]. В отчете по этому совещанию, в частности, говорилось: «Перейдя к вопросу о том значении, которое Тибет представляет собою для России, члены Совещания высказались в том смысле, что в стране этой Россия не имеет непосредственных интересов <...> Мы заинтересованы Тибетом прежде всего в том отношении, что среди наших подданных имеется немалое число буддистов, вследствие чего нам, конечно, выгодно пользоваться расположением их духовного главы, всеми ими признаваемого и почитаемого» [Белов, 2005, 96].

Поражение в войне с Японией в 1908 привело Россию к остановке дальневосточной экспансии и вынужденным договоренностям с Англией. Англия настаивала на том, что заинтересована в Тибете как государстве, прилегающем к Индии; Россия же могла говорить лишь о религиозном сочувствии и о том, что Далай-лама надеялся на помощь «белого царя», что не имело под собой прямых геополитических оснований. В русско-британской конвенции 1908 года сказано, в частности: «Россия и Великобритания обязуются сноситься с Тибетом только через посредство китайского правительства <...> буддисты, как русские, так и британские подданные, могут входить в непосредственные сношения, на почве исключительно религиозной, с Далай-Ламой и другими представителями буддизма в Тибете» [Белов, 2005, 114]. Русско-тибетские отношения ослабели в годы индийской эмиграции Далай-ламы (1910–1912) и вовсе прекратились в период Первой мировой войны.

Новый этап русско-тибетских отношений начался только в советский период. Как и в более ранней истории, свою роль сыграло противостояние СССР британским интересам: юное советское правительство стремилось «объединить вокруг себя народы многомиллионного мусульманско-буддийского Востока, поднять их на борьбу с мировым – прежде всего британским – империализмом» [Андреев, 2006, 7].

Большевики поддержали стремление тибетского народа к независимости, признали суверенный статус Тибета после 1913 года (Синьхайской революции в Китае). О Тибете как о стране, поднявшей «знамя восстания» и восставшей против империалистической Британии, писала советская центральная пресса («Известия» и «Жизнь национальностей» в 1919 г.). В 1920 г. Наркоминдел принял заключение по «тибетскому вопросу», который формулировал советскую политику в этом направлении (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 154, д. 87, лл. 1-1 об.):

«1. Установление связи РСФСР с Тибетом чрезвычайно важно и необходимо.

2. Отсутствие надлежащей информации о внутреннем и внешнем положении Тибета за последние 3-4 года и особая острота тибетского вопроса в связи с зарождением революционного движения в Индии и вообще в Азии диктуют советской дипломатии особую осторожность при подходе к тибетскому вопросу, неразрывно связанному с другими дальневосточными вопросами.

3. Для окончательного выяснения вопроса и намечения практических путей разрешения тибетской проблемы необходимо командировать в Тибет небольшую секретно-рекогносцировочную экспедицию. По прибытии в Тибет и выяснении положения и в случае положительного отношения Тибета к России один из членов экспедиции должен пробраться в Афганистан и оттуда сообщить результаты экспедиции по радио в Москву, где по получении сведений Наркоминдел должен приступить к организации новой и более солидной экспедиции, вернее миссии в Тибет» [цит. по: Андреев, 2006, 230-231].

В 1921-1922 г. в Тибете побывала экспедиция В.А. Хомутникова, привезя Далай-ламе дары от советского правительства (парчу, золотые часы, радиотелеграфный аппарат и пр.). Однако Далай-лама, уже наслышанный о религиозной политике советского правительства, отнесся к посольству с определённым недоверием. В 1923-1925 гг. была предпринята «тибетская миссия» С.С. Борисова – Б.В. Вампилона, однако она не принесла серьезных результатов: Тибет колебался между Англией и Россией, стараясь уравновесить угрожающее влияние Китая. Важным событием, но уже скорее культурного характера, было «посольство западных буддистов» Н.К. Рериха в 1927-1928 гг., целью которого было объединение буддистов Востока и Запада под предводительством Далай-ламы с дальнейшей организацией Монголо-Сибирского государства (ясно, что эта цель была утопической). Однако посольство подозрительного Рериха, американского художника, который оказывался «красным русским», вызвало подозрение у тибетских властей, и в Лхасу его не пустили.

Однако это новое сближение Тибета и Советской России было недолгим и непродуктивным. Не сумев привлечь на советскую сторону теократическое правление Тибета, СССР в

конце 1920-х гг. прервал отношения с Лхасой (в этот же период прерываются связи с Тибетом российских буддистов, а тибетология как научная дисциплина переживает разгром). В это время проходило массовое преследование буддистов по всей стране: в Бурятии и Калмыкии закрывались дацаны и хурулы, арестовывали «контрреволюционных» лам, в том числе и Агвана Доржиева, который был обвинен по 58 статье УК, признался в том, что руководит «контрреволюционной, панмонгольской, террористической, повстанческо-шпионской организацией»¹, и скончался в тюремной больнице в возрасте 84 лет.

В 1930–1940-е гг. СССР лишь со стороны наблюдал за Тибетом и его политической судьбой. Вторая мировая война существенно изменила соотношение сил в азиатском регионе: независимость в 1947 году получила Индия, а пришедшие к власти в Китае коммунисты решили присоединить Тибет. Начавшаяся холодная война привела к тому, что советское правительство поддержало намерения Китая, опасаясь превращения Тибета в антисоветский плацдарм. «В начале 1950 г., встречаясь с Мао Цзедунем, И.В. Сталин одобрил идею “мирного освобождения” Тибета и согласился предоставить Пекину советскую военную помощь для её осуществления» [Андреев, 2006, 8]. Тибет был аннексирован Китаем и перестал существовать как самостоятельное государство. Массовые антикитайские выступления тибетцев и массовая эмиграция привела к разделению Тибета на административный район Китая и многотысячную диаспору в Индии во главе с «тибетским правительством в эмиграции».

В 1960-х годах, при ухудшении отношений с Китаем, советское руководство пересмотрело свое отношение к тибетскому вопросу и использовало его как инструмент давления на политику Пекина. В 1966-1976 годах, в период китайской «культурной революции», в СССР вышло много публикаций, осуждавших великодержавную националистическую политику Пекина в отношении национальных меньшинств. Москва прекратила критику Пекина в 1980-х годах, когда улучшились отношения с Китаем, и вновь заняла прокитайскую позицию в тибетском вопросе.

Позиция, принятая в советское время, остается по сути неизменной и для современной России. Вместе с тем процесс национально-религиозного возрождения буддийских народов России привел к сближению России с «эмигрировавшим», индийским Тибетом. Подписание в 1996 г. в Пекине российско-китайского договора привело к сближению соседних стран и к неизбежным уступкам в острых вопросах, например, в проблемах независимости Чечни и Тибета: Китай заявил, что вопрос о Чечне является внутренним делом России, а Россия признала Тайвань и Тибет частями Китая.

Заключение

История российско-тибетских отношений насчитывает почти три века. На пороге XXI, как и за сто лет до этого, тибетская проблема стала вновь камнем преткновения для россий-

1 Архив Министерства безопасности Республики Бурятия (АМБ РБ). Д. 2768, лл. 31-31 об.

ской внешней политики. Несмотря на провозглашаемые демократические ценности, постсоветская Россия поддерживает политику Китая и закрывает глаза на нарушение прав и свобод народа в Тибете.

История внешней политики России в отношении Тибета свидетельствует о том, что Россия проявляла интерес к этой стране и использовала тибетский вопрос как инструмент влияния в периоды Большой игры с Великобританией (рубеж XIX–XX вв. и 1920-е гг.), с США на раннем этапе «холодной войны» (1940–1950-е), а также во время конфронтации с Китаем в 1960–1980-е гг. После 1980-х годов Россия утратила интерес к проблемам Тибета, хотя вопрос о независимости тибетского народа и утрате уникальной тибетской культуры остается крайне актуальным.

Библиография

1. Агван Доржиев – выдающийся политический, общественный, религиозный деятель и видный российский дипломат: сборник научных статей. Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГА-КИ, 2007. 317 с.
2. Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Санкт-Петербургский университет, Нартанг, 2006. 464 с.
3. Базаров Б.В., Гомобажапов А.Д. Цин и Россия в XVIII в.: геополитический передел монгольского пространства // Восток (Oriens). 2016. № 6. С. 98-104.
4. Белов Е.А. (ред.) Россия и Тибет: сборник русских архивных документов 1900-1914 гг. М.: Восточная литература, 2005. 231 с.
5. Бернюкевич Т.В. Внешнеполитические факторы рецепции буддийских идей в России в конце XIX – начале XX веков // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 2. С. 54-63.
6. Бернюкевич Т.Б. Рецепции буддизма в России и «русское азиофильство» конца XIX – начала XX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. №1 (38). С. 37-61.
7. Ермакова Т.В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX века. СПб., 1998. 344 с.
8. Комиссаров С.А. Тибет, родина Гэсэра // Комиссаров С.А. (ред.) Волшебное сокровище: сказки и легенды Тибета. Новосибирск: Наука, 1997. С. 7-25.
9. Лангер К.Г. Полный географический лексикон, содержащий в себе по азбучному порядку подробное описание всех частей света из новейших и достоверных сведений. Ч. II. М., 1791-92. 383 с.
10. Островская Е.А. Воины Радуги: Институционализация буддийской модели общества в Тибете. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. 397 с.
11. Пржевальский Н. М. Путешествие к Лобнору и на Тибет. М. : Дрофа, 2007. 1262 с.

12. Рабинович Е. И. Сексуальные нравы тибетцев и монголов в трудах русских путешественников XIX – нач. XX в. // Россия и Центральная Азия в контексте исторического взаимодействия. Екатеринбург, 2010. С. 90-97.
13. Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. Самара: Агни, 1999. 368 с.
14. Сладковский М.Л. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. 439 с.
15. Шустова А.М. Вклад Ю.Н. Рериха в развитие отечественной индологии // Восток (Oriens). 2020. № 1. С. 160-177.

Tibet in Russian foreign policy: historical aspect

Sergei V. Kurasov

Doctor of arts, professor, rector,
Stroganov Moscow State Academy of Design and Applied Arts,
125080, 9 Volokolamskoye highway, Moscow, Russian Federation;
e-mail: info@mghepu.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the place that Tibet occupied in Russian foreign policy from the 18th century, when Tibet arose on the map of interests of the Russian Empire, and up to the present. The author examines little-known sources, periodizes Russian-Tibetan relations and comes to the conclusion that Tibet and Russia, which have never bordered, = have an important history of relations, which is reflected in modern politics. The history of Russia's foreign policy towards Tibet indicates that Russia showed interest in this country and used the Tibetan issue as an instrument of influence during the Great Game with Great Britain (the turn of the 19th-20th centuries and the 1920s), with the United States in the early stage of the "cold war" (1940-1950s), as well as during the confrontation with China in the 1960-1980s. After the 1980s, Russia lost interest in the problems of Tibet, although the issue of the independence of the Tibetan people and the loss of the unique Tibetan culture remains extremely urgent.

For citation

Kurasov S.V. (2020) Mesto Tibeta vo vneshnei politike Rossii: istoricheskii aspekt [Tibet in Russian foreign policy: historical aspect]. *"Belye pyatna" rossiiskoi i mirovoi istorii* ["White Spots" of the Russian and World History], 1-2, pp. 10-20.

Keywords

History of Russia, history of Tibet, foreign policy, Russian-Tibetan relations, The Great Game, the Tibetan question.

References

1. *Agvan Dorzhiev – vydayushchiysya politicheskii, obshchestvennyi, religiozniy deyatel' i vidnyi rossiiskii diplomat: sbornik nauchnykh statei* [Aghvan Dorzhiev as an outstanding political, public, religious figure and a prominent Russian diplomat: a collection of scientific articles] (2007). Ulan-Ude.
2. Andreev A.I. (2006) *Tibet v politike tsarskoi, sovetskoi i postsovetskoi Rossii* [Tibet in the politics of tsarist, Soviet and post-Soviet Russia]. Saint Petersburg: Saint Petersburg university Publ., Nartang Publ.
3. Bazarov B.V., Gomobazhapov A.D. (2016) Tsin i Rossiya v XVIII v.: geopoliticheskii peredel mongol'skogo prostranstva [Qing and Russia in the 18th century: geopolitical redistribution of the Mongolian space]. *Vostok (Oriens)*, 6, pp. 98-104.
4. Belov E.A. (ed.) (2005) *Rossiya i Tibet: sbornik russkikh arkhivnykh dokumentov 1900-1914 gg.* [Russia and Tibet: collection of Russian archival documents of 1900-1914]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ.
5. Bernyukevich T.B. (2020) Retseptsii buddizma v Rossii i "russkoe aziofil'stvo" kontsa XIX – nachala XX v. [Receptions of Buddhism in Russia and "Russian Asiophilia" of the late 19th – early 20th centuries]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad], 1 (38), pp. 37-61.
6. Bernyukevich T.V. (2017) Vneshnopoliticheskie faktory retseptsii buddiiskikh idei v Rossii v kontse XIX – nachale XX vekov [Foreign policy factors of the reception of Buddhist ideas in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura* [Concept: philosophy, religion, culture], 2, pp. 54-63.
7. Ermakova T.V. (1998) *Buddiiskii mir glazami rossiiskikh issledovatelei XIX – pervoi treti XX veka* [The Buddhist world through the eyes of Russian researchers of the 19th – first third of the 20th century]. Saint Petersburg.
8. Komissarov S.A. (1997) Tibet, rodina Gesera [Tibet, the homeland of Geser]. In: Komissarov S.A. (ed.) *Volshebnoe sokrovishche: skazki i legendy Tibeta* [Magic Treasure: tales and legends of Tibet]. Novosibirsk: Nauka Publ., pp. 7-25.
9. Langer K.G. (1791-92) *Polnyi geograficheskii leksikon, soderzhashchii v sebe po azbuchnomu poryadku podrobnoe opisaniye vsekh chastei sveta iz noveishikh i dostovernnykh svedenii* [A complete geographic lexicon containing, in an alphabetical order, a detailed description of all parts of the world from the latest and most reliable information], Part II. Moscow.

10. Ostrovskaya E.A. (2008) *Voiny Radugi: Institutsionalizatsiya buddiiskoi modeli obshchestva v Tibete* [Rainbow Warriors: institutionalizing the Buddhist model of society in Tibet]. Saint Petersburg: Saint Petersburg university Publ.
11. Przheval'skii N.M. (2007) *Puteshestvie k Lobnoru i na Tibet* [Journey to Lobnor and to Tibet]. Moscow: Drofa Publ.
12. Rabinovich E.I. (2010) Seksual'nye nruvy tibettsev i mongolov v trudakh russkikh puteshestvennikov XIX – nach. XX v. [Sexual customs of Tibetans and Mongols in the works of Russian travelers of XIX – early XX century]. In: *Rossiia i Tsentral'naya Aziia v kontekste istoricheskogo vzaimodeistviia* [Russia and Central Asia in the context of historical interaction]. Ekaterinburg, pp. 90-97.
13. Roerich Yu.N. (1999) *Tibet i Tsentral'naya Aziia: Stat'i, leksii, perevody* [Tibet and Central Asia: Articles, lectures, translations]. Samara: Agni Publ.
14. Shustova A.M. (2020) Vklad Yu.N. Rerikha v razvitie otechestvennoi indologii [Yu.N. Roerich's role in the development of Russian Indology]. *Vostok (Oriens)*, 1, pp. 160-177.
15. Sladkovskii M.L. (1974) *Istoriia torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii narodov Rossii s Kitaem (do 1917 g.)* [The history of trade and economic relations between the peoples of Russia and China (until 1917)]. Moscow.